

УДК 947:37.01(470.345)

**ДИНАМИКА ВОВЛЕЧЕННОСТИ ЖЕНЩИН В СФЕРУ ОБРАЗОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ¹
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

© 2009 г.

О.В. Кошина

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева

koshinin@rambler.ru

Поступила в редакцию 02.04.2009

Проанализировано развитие женского образования на территории Мордовии во второй половине XIX – начале XX века: изменение общественного взгляда на необходимость и функции женского образования, динамика вовлеченности женщин разных социальных слоев и демографических групп в сферу образования. Выявлены социокультурные особенности женской эмансипации в регионе.

Ключевые слова: эмансипация, женское образование, земские школы, церковно-приходские школы, социальные слои, демографические группы, общественное сознание.

На протяжении второй половины XIX – начала XX века изменился общественный взгляд на необходимость и функции женского образования, изменилась востребованность образования различными социальными слоями и демографическими группами женщин. Женская половина населения России пережила бурный процесс эмансипации, обусловленный социально-экономическими реформами и изменением социокультурной ситуации в указанный период.

Во второй половине XIX века женское образование было мало развито на территории Мордовии и в России в целом. В 1897 г. в среднем по шести уездам Мордовии (Ардатовскому, Инсарскому, Краснослободскому, Саранскому, Спасскому и Темниковскому) грамотных мужчин было 20.1%, т.е. в 4.5 раза больше, чем грамотных женщин (4.5%) [1–4]². В 1879 г. в училищах на территории Мордовии среди учеников было 93% мальчиков и всего 7% девочек. В России в целом соотношение между мальчиками и девочками было менее контрастным: 79% мальчиков и 21% девочек [5]. Процент учащихся девочек увеличивался за счет прибалтийских и Санкт-Петербургской губерний, где женская эмансипация шла быстрее, а также за счет Казанской, Саратовской, Самарской, Таврической, Херсонской губерний, где заметную часть училищ составляли иновещерские конфессиональные школы, в которых училось много девочек.

Одной из важных причин медленного развития женского образования на территории Мордовии являлся, по всей видимости, характер занятий населения региона. Подтверждение

этому предположению содержится в «Памятной книжке по Тамбовской губернии» за 1894 г.: «Число учащихся в училищах в 1893 г. значительно уменьшилось, особенно в сельских селах и в основном девочек. Такое явление объясняется хорошим урожаем, потребовавшим в крестьянских хозяйствах рабочие руки несовершеннолетних детей. Многие из девочек должны были оставить школы, т.к. понадобились дома для уборки прядева» [6]. Сельскохозяйственный характер деятельности населения Мордовии предполагал высокую востребованность женского труда. Девочки часто привлекались к уборке урожая, домашним работам, что отвлекало их от учебы. Большая часть населения считала, что в женском образовании можно ограничиться начальными навыками чтения и письма. Распространенность подобного мнения подтверждают данные о распределении учащихся на территории Мордовии по возрастным группам. В возрасте 7–9 лет девочек чаще, чем мальчиков, отдавали в школу. Хотя семилетних в то время в школах принимали неохотно. По наблюдениям педагогов, они плохо осваивали курс, оставались еще на год, поэтому обременяли бюджет и занимали место восьмилетних. Однако девочек старались привести в училище пораньше, потому что повзрослевшие они понадобятся для помощи в хозяйстве. Прослеживается тенденция: в возрасте с 11 лет количество учениц резко сокращается, т.к. девочки-подростки все чаще отвлекаются на уборку урожая, домашние работы, уход за младшими детьми. Количество мальчиков с возрастом убывает не так стремительно [5].

Крестьяне считали, что девочек обучать не имеет смысла, их дело – помогать матери в хозяйстве. Согласно результатам опроса, проведенного в 1894 г. в Московском и Можайском уездах, население считало, что «...обучение девочек несет с собой расходы. А если их не обучать, то можно получать барыш, потому что каждая девочка школьного возраста может заработать себе на хлеб, оставаясь дома. А чтобы отправить ее в школу, нужно не только лишиться ее заработка, но еще ее одеть, на что нужно 5–10 рублей. Правда, и мальчик мог бы заработать, не ходя в школу, но, выучившись грамоте, он найдет себе потом лучшее место. А грамотная девушка, выйдя замуж, покинет семью, и от ее грамотности семья ничего не выиграет» [7]. Размышления крестьян о пользе обучения девочек свидетельствуют о том, что побуждения их в стремлении к образованию были прежде всего прагматические. На отношение крестьян к женскому образованию влияли особенности их жизненного уклада и крестьянского менталитета.

Низкая потребность в женском образовании была связана также с тем, что в общественном сознании роль женщины не соотносилась с публичной деятельностью. Во второй половине XIX – начале XX века практически единственной сферой, где был востребован женский труд, была учебная и воспитательная деятельность. В первой половине XIX века и в дореформенное время учителями начальной школы на территории Мордовии, как и в целом по России, были преимущественно мужчины. В 1870-е годы в школе появились учительницы, являясь скорее исключением, чем правилом. В следующее десятилетие женщины уже занимали заметную, хотя и меньшую часть учительского персонала (20%) [5].

В общественном сознании второй половины XIX века была популярна мысль об огромном влиянии, которое оказывает женщина на атмосферу семьи и общества в целом. Об этом свидетельствует высказывание известного русского педагога В.Я. Стоюнина: «Мариинская женская гимназия в Петербурге обнаружила, какая сильная потребность в небогатых семьях учить дочерей. Это был первый призыв всех городских сословий к образованию женщин и будущих матерей семейств, а следовательно, к нравственному возвышению русской семьи, без чего нельзя было бы ожидать и усовершенствования общественной нравственности» [8]. Постепенно и крестьяне пришли к осознанию необходимости образования девочек. Немаловажное значение в этом имело понимание огромной роли

грамотной матери в воспитании своих детей. Из 551 ответа на вопрос о пользе обучения девочек статистик Ф.А. Щербина в конце XIX века получил 68% положительных ответов, 16% – безразличных и 15% – отрицательных [9]. В исследовании по Симбирской губернии за 1902–1903 гг. содержатся факты, говорящие об изменении отношения крестьян к обучению девочек: «Из 200 учащихся в с. Б. Березники 70 девочек. Есть даже желание строить школу для девочек. В с. Турдаково Ардатовского уезда стали отдавать в школу девочек. В целом по губернии растет процент учащихся девочек» [9].

Мысль о том, что уровень образования женщины влияет на нравственное развитие общества, была распространена и в правительственных кругах. Министр народного просвещения А.С. Норов в 1856 г. в докладе государю о развитии образования женщин в уездных городах обращал внимание на то, что «недостаточно до сих пор развивалось женское образование – только для сословий дворян и чиновников. От образования женщины зависит в народных массах улучшение семейных нравов и гражданственности, на что женщина имеет могущественное влияние. Открытие женских школ в уездных городах и даже в больших селах было бы величайшим благодеянием для Отечества» [8].

Общество и правительство постепенно приходило к осознанию необходимости женского образования и привлечения женщин к педагогической профессии. На рубеже XIX–XX веков увеличился процент учениц с 15.1% в 1894 г. до 26.5% в 1914 г. среди учащихся и женщин среди учителей с 33.3% в 1894 г. до 67.8% в 1914 г. [10–11].

К началу XX века учительский труд стал прерогативой женской половины населения Мордовии и России в целом. Наряду с изменениями в общественном сознании, это было обусловлено социально-экономическими причинами. Низкое жалование и неопределенный социальный статус не могли привлечь большое количество мужчин к педагогической деятельности. При наличии соответствующего образования мужчина стремился к более высокооплачиваемой и социально защищенной профессии. Женщины, не выдерживая конкуренции с мужчинами на других, более престижных должностях, мирились с нелегкой долей учительницы. Поэтому, будучи еще во второй половине XIX века преимущественно мужским занятием, в начале XX века педагогическая деятельность стала главным образом женской профессией.

Интересно сравнить соотношения женщин и мужчин в различных типах школ в начале XX

века. Наибольший процент учительниц дают в среднем земские школы (66% от всего педагогического состава). Женский учительский труд оплачивался ниже мужского, поэтому земства с удовольствием им пользовались. В ЦПШ (церковно-приходских школах) также достаточно высокий процент женщин среди учителей (57%). К 1913–1914 гг. они преобладают над мужчинами в этом типе школ. Немаловажную роль здесь играло низкое вознаграждение учителей ЦПШ. Мужчины не задерживались на таких низкооплачиваемых должностях и уступали их женщинам. В министерских училищах женщин-педагогов было меньшинство (23% всех учителей) [11–12], поскольку учителя министерских училищ имели самые высокие оклады, поэтому мужчины стремились занять в них вакантные места. Таким образом, особенности финансирования народных школ способствовали неравномерному распределению мужчин и женщин в коллективах разных типов школ. Преобладая к началу XX века над мужчинами в земских школах и ЦПШ, женщины все еще уступали им в министерских училищах.

Следует заметить, что городское население более лояльно относилось к женскому образованию. Ученицы составляли в городских училищах более заметную часть (40.4% всех учеников), чем в сельских (11.8%). Городские учительницы составляли 63.8%, сельские – всего 42.8% всех учителей [10].

Исследование возрастного состава, семейного положения учителей на территории Мордовии помогает выяснить, какие демографические группы женщин принимали активное участие в народном образовании. Наибольший процент учительниц (46.5%) составляли девушки 20 лет и моложе. Среди мужчин выше процент (47.3%) молодых людей 20–25 лет. Такая молодость большей части учительского персонала того времени обусловлена несколькими факторами. Первый фактор можно определить как демографический. Средняя продолжительность жизни в конце XIX века в силу естественно-исторических причин была ниже современной. В возрасте 30–50 лет женщин в школах насчитывается всего 5%, мужчин только 12%. Учитель после 50 лет был большой редкостью (1.5%). Женщин-учительниц в таком возрасте почти не встречается (0.3%) [5].

Второй фактор, обусловивший молодость учительского персонала, был экономический. Мужчины, как правило, не задерживались в школе. Они стремились к более высокооплачиваемым должностям. С возрастом, при наличии хорошего образования, такая возможность для

них рано или поздно представлялась. Третий фактор был связан с особенностями общественного сознания того времени. Количество женщин убывает в старших возрастных группах, так как женщины, выходя замуж, оставляли службу. Замужние женщины того времени редко реализовывали себя на общественном поприще.

Интересно заметить, что в разных типах школ преобладали разные возрастные группы учителей. Учительницы ЦПШ, как и учителя, в массе своей были моложе, чем преподаватели земских и министерских училищ. Низкое вознаграждение учителей ЦПШ по сравнению с коллегами из других школ заставляло их покидать школу. В результате заведующие ЦПШ, из-за отсутствия кандидатов, были менее разборчивы в кадровой политике и позволяли замещать учительские места молодым людям, порой едва грамотным, например, окончившим курс в сельских начальных училищах.

Обратимся к семейному положению учительниц. Господствующий контингент преподающих составляли девицы (90%), среди мужчин холостяки составляли 58%. Замужних среди женщин было всего 5%, а женатых мужчин достаточно много (40%). Небольшой процент приходился на вдовых учительниц (5%) и учителей (2%) [5]. Преобладание холостяков и незамужних женщин среди учителей было обусловлено в первую очередь объективной причиной – молодостью учительского персонала. Большое количество девиц среди учительниц объясняется уровнем развития общественных отношений. Замужние женщины того времени, как правило, оставляли место учительницы. На решение большинства мужчин-педагогов отложить женитьбу в немалой степени влияло недостаточное материальное обеспечение учителей. Подтверждение тому находим в наблюдениях известного деятеля народного просвещения того времени С.А. Рачинского, который много лет испытывал на себе трудности жизни сельского учителя: «Огромное большинство наших сельских учителей – люди молодые и холостые. Скучного их жалования едва хватает на их содержание, и о затратах на обустройство хозяйства не может быть и речи» [13].

Исследование сословного состава учительства показывает изменение структуры общественных отношений во второй половине XIX – начале XX века. В дореформенный период учителями и учительницами были в основном выходцы из семей священнослужителей. Члены церковного причта и их жены учили детей началам грамоты. В 1860-е годы появляются учи-

теля из крестьян, т.к. школы казенного ведомства были переданы крестьянским сельским обществам. В следующее десятилетие, когда земства берут в свои руки дело народного просвещения, учителями также становятся грамотные горожане. Постепенно спектр сословий, поставляющих учителей, расширился.

На территории Мордовии во второй половине XIX века контингент учительниц формировался в основном из трех сословий: священнослужителей (32%), купцов (23%) и мещан (22%). Крестьянки среди учительниц составляли всего 13%. Среди учителей-мужчин выходцы из семей священнослужителей составляли более половины – 51.2%, купцов и мещан было намного меньше (4.5% и 9.3% соответственно), зато крестьян намного больше, чем среди женщин (30%). Заметную часть учительниц (8.8%) составляли личные и потомственные дворяне, среди мужской части учительского персонала их было всего 1.2% [5].

Такой социальный состав учительского персонала объясняется социокультурной ситуацией, сложившейся во второй половине XIX века. Среди учительниц и в России, и на территории Мордовии преобладали выходцы из семей духовенства. Дочери священнослужителей после окончания епархиального училища в большинстве своем становились сельскими учительницами. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что кандидаты на места священнослужителей в 1880-е годы уже не обязаны были жениться на лицах духовного звания, как прежде. К тому же количество мест священнослужителей было сокращено.

В 1880-е годы в печати велись активные споры о том, кто должен прилагать больше усилий к развитию народного образования: светские лица или духовенство. Светская периодика доказывала, что духовенство не в состоянии обеспечить достаточное качество обучения. Духовная печать возражала, напоминая о том, что именно духовенство стоит у истоков народного просвещения. Вот какие доводы в пользу обучения детей священниками приводил деятель народного образования Саранского уезда А.И. Масловский: «Указывают, что у духовенства нет времени на школу, священники заняты приходом. Но не у всех священников большие приходы: там, где они в 300–500 душ, у священника есть полная возможность заняться школой. Молодые силы священников сами требуют деятельности. У них есть образованные помощницы – жены, окончившие курс в духовном училище. У нас в Саранском уезде в ЦПШ с успехом занимаются жены молодых священников» [14].

Во второй половине XIX века складывались целые учительские династии из семей духовенства, причем немаловажную роль в них играла женская половина семьи. Так, священник Саранской Троицкой церкви А.И. Масловский и его сестры много сделали для развития народного образования в Саранском уезде. А.И. Масловский состоял законоучителем сельской школы Саранского уезда, был инициатором создания в Саранске в 1875 г. женской прогимназии, где служил законоучителем. В 1889 г. А.И. Масловский был утвержден председателем Саранского отделения Епархиального училищного совета. С 1889 г. учить детей в ЦПШ при Троицком храме пришла восемнадцатилетняя Вера Масловская. В 1891 г. на смену сестре пришла шестнадцатилетняя Мария Масловская. По воспоминаниям, передававшимся от одного поколения коренных саранских жителей к другому, М. Масловская обладала особым педагогическим талантом, врожденным терпением и добротой. В 1894 г. ее пригласили в Саранскую женскую прогимназию. А в ЦПШ при Троицком храме пришла Надежда Масловская [15].

Почти половину учительниц составляли девушки из мещанских и купеческих семей. Процент их по отношению ко всем учительницам выше, чем подобное соотношение у мужчин. Столь сильная потребность в средних городских слоях учить дочерей была также вызвана во многом причинами социально-экономического характера. По мнению педагога В.Я. Стоюнина, «образование составляло для девушек из небогатых городских семей единственный капитал, который может спасти их от нищеты в будущем, если их не спасет выгодное замужество. Капитал этот обращается в большинстве случаев на педагогическую деятельность» [8].

Меньшее количество учительниц, по сравнению с учителями, из семей крестьян объяснялось, без сомнения, слабым развитием образования среди сельского женского населения. Почти 9% учительниц были из семей дворян. Важным обстоятельством, подтолкнувшим дворянских дочерей к педагогической деятельности, была отмена крепостного права. Освобождение крестьян снизило доходы дворянства. Прежде статус дворянина определялся количеством крепостных. Теперь приходилось зарабатывать на жизнь своим трудом, а для этого необходимо было образование. Раньше они довольствовались домашним образованием, ведь их будущее замужество зависело не от уровня образованности, а от количества крепостных у отца. С исчезновением последних, родителям

трудно стало выдавать дочерей замуж, потребовалось систематическое образование – школа, гимназия, институт. Таким образом, для девушек этого сословия педагогическая деятельность была почти единственным средством к самостоятельной жизни. Они могли давать частные уроки, работать гувернантками или школьными учительницами. Школьная деятельность была наиболее независимой и наилучшим образом могла обеспечить существование. Поэтому она привлекала много бедных образованных девушек из дворянских семей.

Изменения, произошедшие в социальном составе учительниц к началу XX века, можно наблюдать на примере Симбирской губернии. Сравнение данных по Симбирской губернии за 1902–1903 гг. с данными по этой же губернии за 1880 г. показывает, что среди учительниц стало в 3 раза больше (39.7% – в 1902–1903 гг., 13.3% – в 1880 г.) крестьянских дочерей, что свидетельствует о том, что процесс женской эмансипации затронул и крестьянскую среду [12]. Дальнейший рост количества учительниц из крестьян подтверждают и архивные данные об ученицах Саранской женской прогимназии и гимназии, большая часть которых становились учительницами начальных школ: в 1906 г. в этом учебном заведении девушки из крестьянских семей составляли 22% учениц, в 1909 г. – 27%, в 1910 г. – 34%, в 1911 г. – 37%, а в 1916 г. – уже 64% [16–18].

Итак, в силу изменившихся социально-экономических условий, общественного сознания, структуры общественных отношений, женщины из разных слоев общества были задействованы в сфере образования.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода произошло изменение общественного взгляда на необходимость женского образования, изменилась вовлеченность женщин разных социальных слоев и демографических групп в сферу образования. Темпы развития женской эмансипации в Мордовии были несколько медленнее, чем в целом по стране. Высокая востребованность женского труда в условиях сельскохозяйственного характера деятельности населения региона усложняла процесс вовлечения женщины в сферу образования. Однако постепенно женское образование развивалось, интенсивнее этот процесс шел в городах. Женский труд нашел наилучшее свое применение именно в педагогической деятельности. Учительская профессия, будучи во второй половине XIX века прерогативой мужчин, в начале XX века стала преимущественно женской. Предпринятое демографическое исследование

состава учителей выявило значительную молодость учительниц и учителей Мордовии, что было во многом обусловлено медленным ростом материального и социального статуса профессии. Наибольшее количество учительниц Мордовии было из семей священнослужителей, мещан и купечества. Однако на протяжении исследуемого периода социально-экономические преобразования изменили структуру социальных отношений и степень вовлеченности различных слоев общества в сферу образования. Среди учительниц наряду с дочерьми священников и средних городских слоев появились дочери обедневших дворян, в начале XX века стремительно росло число крестьянок. Процесс женской эмансипации затронул и крестьянскую среду.

Примечания

1. Под территорией Мордовии автор имеет в виду территорию, приблизительно соответствующую современным границам Республики Мордовия. Она была образована из частей Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской губерний. Поэтому автором в одних случаях используются сводные данные по четырем губерниям. В других случаях в работе используются сведения по девяти уездам, вошедшим в состав современной республики: Краснослободскому, Саранскому, Инсарскому, Наровчатскому, Ардатовскому, Алатырскому, Темниковскому, Спасскому и Лукояновскому. Несмотря на неполное соответствие территориальных границ, исследование в обозначенных территориальных рамках позволяет выявить основные тенденции, закономерности и особенности развития образования на территории Мордовии во второй половине XIX – начале XX века.

2. Все статистические данные, приводимые в статье, подсчитаны автором с использованием исторических источников, на которые делаются ссылки.

Список литературы

1. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб.: Типогр. «Слово», 1904. Т. 25. Нижегородская губерния. 131 с.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 30. Пензенская губерния. 257 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 39. Симбирская губерния. 177 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 42. Тамбовская губерния. 255 с.
5. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 4. СПб., 1884. 90 с.

6. Памятная книжка Тамбовской губернии 1894 г. Тамбов: Типогр. губернского правления, 1894. С. 338.
7. Каптерев П.Ф. История русской педагоги. Петроград: Изд-во «Земля», 1915. С. 461–462.
8. Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1911. 488 с.
9. Терентьев А.А. Российская школа: становление, развитие, перспективы. Социально-философские проблемы. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 1997. 120 с.
10. Начальное народное образование в России. СПб.: Типогр. тов-ва «Народная польза», 1900. Т. 1. С. 57.
11. Статистический обзор начального образования в Пензенской губернии за 1913–14 у/г. Пенза: Паровая тип.-лит. тов-ва А.И. Рапопорт и К^о, 1915. 175 с.
12. Начальное народное образование в Симбирской губернии по данным 1902–2003 гг. Симбирск: Губ. типогр., 1905. 407 с.
13. Рачинский С.А. Сельская школа. М.: Педагогика, 1991. С. 115.
14. Масловский А.И. Несколько слов об отношении земства к ЦПШ // Пензенские епархиальные ведомости. 1887. № 1. С. 365.
15. Саранский священник Алексей Масловский и его духовное наследие (К 160-летию со дня рождения). Саранск: Красный Октябрь, 1999. С. 45–47.
16. ЦГА РМ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 17.
17. ЦГА РМ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 24.
18. ЦГА РМ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 39.

WOMEN'S INVOLVEMENT IN THE FIELD OF EDUCATION IN MORDOVIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND IN THE EARLY 20TH CENTURY

O.V. Koshina

Development of women's education in the territory of Mordovia in the second half of the 19th century and in the early 20th century is discussed. An analysis is presented of the changes in the society's attitude to the necessity and functions of women's education, and in the involvement of women belonging to different social and demographic groups in the field of education. Some socio-cultural peculiarities of women's emancipation in the region are revealed.

Keywords: emancipation, socio-cultural situation, literacy, women's education, teaching, zemstvo schools, parish schools, social strata, demographic groups, public awareness.